Очи раздраженно хмыкнул и с новой силой набросился на своих противников. Он ударил старика по ребрам, но его клинок был отбит острием вакидзаси Ишиямы. Джикодзи шагнул вперед, прорвав его защиту, и прицелился низко, в чудовищную икроножную мышцу мамонта.

…

…

Оставшиеся всадники облизнули губы, восхищаясь огромным пиршеством гражданских, сидевших рядом с ними. Их глаза метались от добычи к агрессорам, а свирепые ухмылки становились все шире.

Маленький мальчик заплакал громче, привлекая внимание неуклюжего всадника, с волосами такими длинными, что казалось, будто их никогда не стригли, и шрамами такими дикими, что казалось, он провел всю свою жизнь, сражаясь.

Он подошел к мальчику, поглядывая одним глазом на женщин позади него, наслаждаясь абсолютной властью, которую он имел в этот момент.

" Кукукуку, какие дураки."

- Подумал он про себя, высоко поднимая тяжелый клинок своего длинного меча и наслаждаясь испуганным выражением лица мальчика.

Это был бы идеальный буфет, но его бабушка не выказала ни малейшего намека на эмоции. И все же, когда его меч летел к голове мальчика, он рассудил, что с достаточным количеством крови они могли бы пробудить в ней что-то еще.

- Сейчас!

Позади него раздался крик. Он не обратил на это ни малейшего внимания – конечно, они собирались плакать. Он надеялся, что так и будет.

Так было до тех пор, пока он не увидел зазубренное острие копья, торчащее из его груди, с которого свисали куски правого легкого. Он слегка нахмурился, не чувствуя никакой разницы, касаясь холодного металла-влажного от его крови-дрожащими пальцами.

Он повернулся, чтобы посмотреть на нападавшего.

Молодая женщина. Довольно симпатичная. Но плакала. Он удивился: "почему ты плачешь? Разве вы не выиграли этот бой?"

А затем его тело содрогнулось, посылая поток крови, хлынувшей из его губ, когда его тяжелое тело рухнуло на пол, лишь мельчайшей частью не задев ноги мальчика.

Его брови были по-прежнему сдвинуты с любопытством, как и на всю оставшуюся вечность.

Вооруженные женщины начали подниматься из толпы, образуя барьер между дикими лошадьми и гражданскими лицами, которые сидели за ними.

Акико повела своих двадцать женщин вперед, полностью окружив группу.

Она бросила на Фуку сочувственный взгляд, когда слезы свободно потекли по лицу мягкосердечной женщины, а кровь потекла по всей длине древка ее копья. Но все же она достала свое оружие и теперь стояла, готовая к бою.

Она на секунду задумалась, не предложить ли им шанс сдаться, но когда она бросила хотя бы один взгляд на безумные взгляды, которые все еще были прочно запечатлены на мордах зверей, она поняла, что это было бы ошибкой.

Вместо этого она отдала единственную команду, впервые в жизни.

- Убейте их всех.

Рин ответила без колебаний, оттолкнувшись от пола и легко пролетев по воздуху. Ее цель выглядела шокированной такой ловкостью, и едва успела отклонить яростный выпад, который обрушился на его шею. Но последовавший за этим пинок был совсем другой историей, и он упал с лошади.

Под шквалом полудюжины копий он был мертв еще до того, как понял, что упал на пол.

Подобные истории разыгрывались и в других местах, где количество жервт было значительно меньше. . Но проблема возникла, когда группа более слабых женщин собралась вместе, почти 5 из них. Но их численность больше ничего не значила для врага. Они вонзались в цель, оставляя неглубокие раны, но он отмахивался от них с легким ворчанием, рубя их своим ужасным топором.

Плохо обученная и неуверенная в том, как защищаться, его цель была убита мгновенно, ее молодое, подростковое лицо навсегда превратилось в маску боли, когда острый топор прорвался сквозь нее, сокрушая череп и разрушая мозг.

- хахаха, еще, еще!

Он безумно смеялся, проводя языком по заостренному лезвию топора, пробуя на вкус крепкий

железный привкус крови.

Женщины замерли от страха, увидев, как их товарищ был убит так легко и так жестоко. Они инстинктивно отступили на шаг, давая ему еще больше места, чтобы сеять хаос.

Рин и Акико были заняты своими собственными испытаниями и еще не успели взглянуть в их сторону. Вместо этого могучий дуэт убивал остальных со скоростью, которая принесла надежду в их ряды.

С каждым падающим всадником раздавались радостные возгласы.

Но все же, в некоторых местах, даже 10 бойцов - хотя, конечно, это были некоторые из более слабой группы – не могли справиться с одним человеком.

Он продолжал поглощать удары по туловищу и ногам, практически не обращая на них внимания, словно они беспокоили его не меньше, чем укусы мелких насекомых.

И кто бы ни подошел слишком близко, он раскроет им черепа или переставит позвоночники. В третий раз он прицелился в голову, низко пригнувшись и с легкостью перерезав горло. Она даже прошла через большую часть позвоночника, но, к его величайшему неудовольствию, все еще держалась на тончайших нитях.

- ЧЕРТ!

Он громко выругался.

Рин посмотрела вверх, следуя за звуком, и стряхнула кровь со своего клинка после последнего убийства. Она почувствовала, как по телу пробежал холодок, заметив частично обслуженную голову. Было в нем что-то такое, что показалось ей знакомым.

-Это не может быть... мама?

Она запаниковала и бросилась к нему. Охваченная беспокойством, она проигнорировала драку, которая происходила прямо рядом с ней, и осторожно повернула голову.

Вздох облегчения, но и боли тоже. Это была не Фуку, а другая женщина, которую она знала уже давно, и о которой вся деревня будет скорбеть, когда она уйдет.

Она подняла голову, в ее глазах была ярость, когда она увидела, что зверский всадник продолжает избивать своих агрессоров.

На этот раз она действительно увидела Фуку, которому удалось нанести более глубокую рану в бок.

" Очень хорошо, мам."

Она мысленно похвалила его.

Всадник тоже хотел что-то сказать, мстительно развернувшись, раздраженный еще большей болью.

- Чертова шлюха!

Взревел он, поворачиваясь к ней.

Острие копья, которое она выставила в свою защиту, было небрежно отброшено в сторону, когда он быстро шагнул вперед, выбивая копье из ее рук.

Рин подбежала раньше, чем она успела подумать. Расстояние, однако, было не слишком благоприятным, и здесь, у спины всадника, у нее не было достаточно времени, чтобы отклонить клинок, который пытался забрать жизнь ее матери.

Вместо этого она прыгнула вверх, стоя на спине его лошади, прежде чем вонзить свое копье глубоко в его плечо. Его рука с оружием потеряла силу и устойчивость, сбив окровавленный топор с курса. Вместо того чтобы взять ее голову, он упал, уткнувшись ей в бок.

У нее не осталось места, чтобы взмахнуть копьем, и она всадила древко в горло всадника, прежде чем тот успел среагировать. Используя весь вес своего тела, она потянула,полностью подавая ему кислород.

Его толстые руки сомкнулись за спиной, ногти впились ей в лицо, а руки вцепились в волосы. Но она не сдавалась. Она стиснула зубы и потянула еще сильнее.

Коню больше некому было управлять, он встал на дыбы, и они оба рухнули на землю. Она тяжело приземлилась на спину, ветер вырвался из ее легких. Она отчаянно пыталась дышать, но все это время сила в ее руках не ослабевала, даже когда вес дородного мужчины угрожал раздавить ее.

Его скрюченные пальцы и искалеченная рука яростно дергались, кончая, полностью лишенные кислорода. Он дал волю последнему сводящему с ума припадку, прежде чем его тело успокоилось.

Хотя она была ранена-ее спина страшно пульсировала-она не отдыхала ни секунды. Она

выбралась из-под тяжкого трупа, не обращая внимания на кровь, заливавшую ее лицо и доспехи, и побежала к матери.

Фуку лежала на земле с белым лицом, а две другие женщины ухаживали за ней.

- Мама... Мама? Ты в порядке? Мама!

Она попыталась привлечь ее внимание, настолько взволнованная, что ее вопросы стали почти агрессивными.

Великодушная женщина, даже в этот момент самой сильной боли, все еще заставляла свое ослабевшее тело улыбаться ради своего плачущего ребенка. Даже когда капли пота выступили у нее на лбу от напряжения, она не остановилась.

- Рин-тян? Она будет в порядке, но ей нужно отдохнуть, хорошо? Мы хорошо о ней позаботимся.

Заботливая рука легла ей на плечо, и молодая девушка уставилась на своего владельца полными слез глазами.

Она узнала лицо одной из близких подруг Фуку, тети Койдэ, и нашла утешение в его знакомости. Койде был рядом с ней с тех пор, как она себя помнила, и если это была она, то она была уверена, что с ее матерью все будет в порядке.

Раздался булькающий звук, когда Акико расправилась с последним всадником, а затем подбежала к Рин.

-Как она, Рин?

Она улыбнулась, хотя слезы все еще текли.

- Тетя Койде говорит, что с ней все будет в порядке.

Акико посмотрела на женщину, которая, по-видимому, была Койдэ, и та кивнула, встретившись с ней взглядом, и вздохнула с облегчением.

- Правда? Я рада... очень рада.

Она посмотрела на женщин, которым повезло меньше, чем Фуку, и горе наполнило ее сердце. Она задавалась вопросом, Можно ли считать это победой, даже когда они потеряли пятерых из ее собственных.

Но когда она сравнила это с возможностью смерти каждого из них, она не могла позволить своему сердцу упасть к слабости, и в этом смысле, чувствовал себя триумфатором.

Она посмотрела вниз на свои бронированные руки, которые были полны крови, сжимая их. Жители деревни, которые бежали в одну сторону площади, подальше от сражающихся, начали осторожно подходить к ним, улыбки угрожали вырваться на свободу, когда осознание того, что они прожили еще один день, начало проникать внутрь.

Конечно, было и много слез, когда друзья и родственники погибших обнаружили их искалеченные трупы.

"И это еще не конец."

- Печально подумала Акико, понимая, что эти люди понесут потери куда более тяжелые, чем их собственные. Тем не менее, эгоистично – как и все они – она не могла не надеяться, что среди павших не было ее близких.

…

…

- Где же он?

-Откуда мне знать?

-Разве он не сказал, что будет самое большее через 10 минут? Что за задержка?

- Просто заткнись и жди.

Стражники препирались между собой, поскольку Генге еще не прибыл. Вопреки своему поведению, крестьяне ничего не сказали. То ли из уважения к молодому человеку, то ли просто потому, что они привыкли к тому, что все идет не так, как надо, трудно было сказать.

Враг почти не обращал на них внимания, когда они подошли ближе, сокращая разрыв, так что они были лишь немного вне досягаемости их лука.

Поле было обширным и ровным, что позволяло хорошо видеть всю местность. Но когда утреннее солнце палило им в спину, а равнины оставались неизменными, появилось тупое чувство тревоги. Адреналин от сражения давным-давно прошел, и теперь, когда Тода практически игнорировал их, это совсем не походило на битву.

Так продолжалось до тех пор, пока из-за деревьев вдалеке не выскочила черная лошадь.

http://tl.rulate.ru/book/33825/1085733